

Глава 11

Даже искушённый Сюнь Юй, услышав такое «представление», на мгновение замер. Его прекрасные глаза изумлённо расширились, и он с некоторым замешательством посмотрел на Гу Чжи.

Это была лишь мимолётная растерянность. Когда Сюнь Юй пришёл в себя, Гу Чжи уже отвернулся и, бросив через плечо «прошу прощения», пошёл прочь.

Сюнь Юй понял, что этот юноша не желает с ним разговаривать. Даже то, что они были земляками из Инчуани, не заставило собеседника сказать и пары лишних слов.

Ни в детстве, ни повзрослев, Сюнь Юй не имел привычки навязываться. Видя, что Гу Чжи не настроен на общение, он оставил попытки и вернулся.

Ду Си уже закончил обмениваться любезностями с военачальником отряда. Увидев возвращение племянника, он жестом предложил ему встать за стену, чтобы тот, едва оправившись от болезни, снова не простудился на холодном ветру.

Сюнь Юй принял заботу старшего и укрылся от ветра.

Словно по привычке, он спокойно наблюдал за происходящим, изредка бросая взгляд на Гу Чжи, стоявшего под деревом и скрестившего руки на груди.

Незаметно расспросив о чём-то воинов из отряда Цао, Ду Си подошёл к нему.

— Кто этот юноша по фамилии Гу?

Неожиданно Сюнь Юй снова вспомнил слова о «заключённом».

Он не стал произносить это вслух, а лишь уклончиво ответил:

— Должно быть, знакомый генерала Цао.

Такая неопределённость заставила Ду Си невольно нахмуриться.

— Он не захотел говорить с Вэньжо?

С талантами Сюнь Вэньжо, если тот хотел с кем-то сойтись, ему редко отказывали.

Недавно Ду Си видел, как Сюнь Юй стоял лицом к лицу с тем юношей и разговаривал с ним. А теперь племянник не может даже точно сказать, кто это. Это могло означать только одно — юноша был крайне подозрителен и не желал откровенничать.

Увидев, что Сюнь Юй медленно кивнул, Ду Си разгладил брови.

— Что ж, не стоит беспокоиться о пустяках.

«...»

Спокойный взгляд Сюнь Юя на мгновение застыл. Казалось, он был не согласен.

Ду Си не заметил выражения лица племянника, скрытого ночной тенью. Он выглядывал вдаль, ожидая прибытия представителя семьи Цао.

Прождав некоторое время и никого не увидев, старейшина, скрывая недовольство, снова повернулся к Сюнь Юю.

— Ты действительно хочешь встретиться с этим Цао Цао?

Почувствовав скрытое в его спокойном тоне сопротивление, Сюнь Юй беззвучно вздохнул.

— Юань Бэньчу... славится своей любовью к показной пышности, но с ним нельзя строить великие планы. Я слышал, что Юань Бэньчу хотел сместить императора, но генерал Цао решительно отверг это предложение. Думаю, Цао Мэндэ... генерал Цао, и Юань Бэньчу — люди совершенно разного толка.

«Более того», — мысленно добавил он.

Цао Мэндэ с самого начала своей службы не боялся сильных мира сего, наказывал знатные семьи палками, а во время похода против Дун Чжо, не считаясь с потерями, бросился на передовую и вступил в смертельную схватку с армией Силян.

В это смутное время, когда мир погряз в хаосе, чтобы спасти страну и установить порядок, нужен именно такой дальновидный и решительный герой, как Цао Мэндэ.

Хоть и не сказано было прямо, Ду Си из этих немногих слов понял всю твёрдость его намерения. Он не верил в Цао Цао, но больше не стал отговаривать юношу.

Он понимал, что этот отпрыск семьи Сюнь имеет своё мнение и не изменит его ради так называемого «будущего».

— Завтра я отправлюсь в Цзинчжоу, — сказал Ду Си и, после долгого молчания, всё же не удержался и добавил: — Если ты передумаешь... в Цзинчжоу можно найти убежище.

Ситуация была неясной, возможно, укрыться от бури — самое верное решение.

На эти многозначительные слова Сюнь Юй лишь вежливо ответил:

— Благодарю вас, дядя.

И больше ничего.

В тёмном переулке, за кривой ивой.

А Ни, расчёсывая комариные укусы, распухшие до размера горошин, выглядывал из-за ствола, наблюдая за присутствующими.

Видя, что все стоят на месте и никто не машет мечами, мальчик разочарованно нахмурился и с ещё большим усердием принялся чесаться.

Внезапно он почувствовал, как по спине пробежал холодок. Ледяной ветерок коснулся его волос и превратился в два больших клеща, крепко схвативших его голову с двух сторон.

А Ни едва не закричал.

Сердце бешено заколотилось, но тут он услышал знакомый голос.

— Что ты здесь делаешь?

Голос был намеренно занижен и огрублён, с зловещим холодком, но А Ни мгновенно расслабился. Мурашки на спине улеглись.

— Брат, не пугай так.

Ласково пожаловавшись, мальчик попытался обернуться, но обнаружил, что не может сдвинуться с места.

Руки, державшие его голову, были твёрдыми, как две тяжеленные бронзовые клещи, намертво зафиксировав и его голову, и всё тело.

— Б... брат? Может, отпустишь сначала?

Цао Ан одной рукой держал брата за голову и с вымученной улыбкой развернул его.

Подняв глаза и увидев на лице брата ярость, только что расслабившееся сердце А Ни снова подпрыгнуло. Он в панике выпрямился, став тише воды, ниже травы.

Но Цао Ан на это не купился. Скривив губы, он выцедил каждое слово с убийственной любезностью:

— Сейчас есть дела поважнее. Вернёмся — и я с тобой посчитаюсь.

Сказав это, он отпустил брата, передал его охраннику, стряхнул складки с рукавов и широким шагом направился к Ду Си и остальным.

А Ни вздрогнул и инстинктивно хотел было последовать за ним, но высокий охранник преградил ему путь.

— Второй молодой господин, если вы снова убежите, старший молодой господин, боюсь...

Охранник сделал жест, изображая взмах палкой.

А Ни:

— ...

Хоть он и не верил, что его добрейший старший брат может его ударить, А Ни всё же остановился. Да, брат был нежным, но когда злился, становился по-настоящему страшным. А сейчас он был на грани, так что лучше не лезть на рожон.

А Ни продолжил выглядывать из-за почти отполированного его руками ствола ивы. И тут его взгляд столкнулся с неожиданным человеком.

Гу Чжи стоял в стороне от толпы, спиной к тусклому свету факелов, и смотрел прямо на него.

Почему-то в голове мальчика всплыла одна и та же картина: Гу Чжи прижимает Цянь Сы и, словно черпаком, макает его голову в ведро с водой.

[Пей.]

Вскоре эта яркая картина сменилась другой, не менее странной: перед боковой комнатой Гу Чжи, которого как ни били по подколенным ямкам, стоял непоколебимо, как скала, вдруг плавно качнулся и медленно завалился набок.

[Генерал Цао, ваш сын нанёс мне внутренние повреждения.]

Знакомые воспоминания нахлынули на него. А Ни, который раньше испытывал лишь недоверие и даже некоторое презрение, теперь вздрогнул и тут же отвёл взгляд.

Слегка... немного... как на иголках.

Представив, как Гу Чжи прижимает его голову и шлёпает её, как тесто, А Ни мгновенно спрятался за дерево.

Он не заметил, как Цао Ан по пути замедлил шаг и обменялся взглядом с Гу Чжи. Ночной ветер развевал их одежды. Старший брат А Ни поднял руки и торжественно поклонился.

Неподалёку, под обломками стены, Сюнь Юй снова ненадолго задержал взгляд на Гу Чжи. Стоявший рядом Ду Си нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Увидев это, он глубоко нахмурился.

— Подняли такой шум, так долго ждали, и прислали какого-то сопляка, не достигшего совершеннолетия?

Остальное он не сказал. Эти слова вместе с невысказанным гневом застряли у него в груди, вызывая раздражение. Ду Си был готов развернуться и уйти.

Сюнь Юй обернулся к нему с виноватым видом:

— Дядя, прошу прощения, что заставил вас так долго ждать. Это моя вина.

Ду Си вздрогнул и поспешно возразил:

— Нет, я не это имел в виду, Вэньжо, ты... эх.

Он попытался сдержать своё недовольство, но не смог подобрать слов. Видя приближающегося Цао Ана и не желая терять лицо перед хозяевами, Ду Си успокоился и принял сдержанный вид.

— Приветствую вас, уважаемые гости, простите за нерадушный приём.

Цао Ан ответил полным и торжественным поклоном, обращаясь к старшему по возрасту Ду Си.

— Я Цао Ан, сын генерала Фэнью. Мне уже известны все обстоятельства этого дела.

Юноша говорил без подобострастия, мягко, но уверенно, что несколько успокоило раздражённого гостя.

— Стыдно признаться, я ещё молод и неопытен, и не должен был выходить разбираться с делами. К тому же, зная характер моего отца, он, услышав о вашем прибытии, непременно бы выбежал встречать вас, не успев даже одеться. Но, к несчастью... — Цао Ан виновато улыбнулся. — Отец неосторожно повредил ногу и, к сожалению, не может передвигаться. Поэтому он послал меня пригласить вас в наш скромный дом для отдыха.

«Повредил ногу?»

Загоравший под луной Гу Чжи повернул голову.

«Ещё недавно, когда мы выпивали, с ним всё было в порядке. Каким это образом он успел пораниться?»

Какие бы сомнения ни терзали Гу Чжи, причина была уважительной. Даже Ду Си, всё ещё предвзято относившийся к семье Цао, услышав такое, не мог ничего возразить. Хозяин повредил ногу, как можно упрекать его в том, что он не вышел встречать лично?

Ду Си больше не стал спорить, но и не последовал предложению Цао Ана.

— Вэньжо, ты иди с молодым господином Цао, — сказал он, а затем, повернувшись к Цао Ану, объяснил: — Я лишь провожал племянника в город. Что до меня... у меня есть другие дела, не буду вас беспокоить. На этом и распрощаемся.

Он вежливо поклонился им обоим и собрался уходить со своими охранниками. Сюнь Юй беззвучно вздохнул, но ничего не сказал и попрощался с дядей.

Решение Ду Си не удивило Гу Чжи. В исторических записях не было упоминаний об отношении Ду Си к семье Цао в этот период. Было лишь сказано, что он укрывался от смуты в Цзинчжоу и лишь в 196 году, когда Цао Цао принял императора, вернулся в Инчуань и был назначен на должность начальника уезда Сиэ.

А в романе «Записи о великом герое Вэй» Ду Си, как и многие другие, из-за происхождения Цао Цао из семьи евнухов относился к нему с предубеждением. В книге Цао Цао, полуодетый и босой, выбежал к городским воротам, чтобы искренне встретить его, но так и не смог удержать Ду Си. А сейчас он и вовсе не появился.

Лёгкая бабочка, казалось, взмахнула крыльями, а может, и нет.

Гу Чжи перевёл взгляд на Цао Ана, но не увидел на его лице ни тревоги, ни беспокойства.

«Цао Цао... действительно повредил ногу?»

За ивой А Ни нахмурился и принялся ходить кругами. Он рассеянно грыз ногти, как вдруг кто-то легонько похлопал его по плечу.

А Ни вздрогнул и очнулся. Предположив, что это его старший брат, он послушно обернулся, поднял голову и неожиданно встретился с медово-карими глазами Гу Чжи.

Мальчик снова представил, как его голову шлёпают, словно тесто.

— ...

— Глава крепости, любоваться луной за деревом в такой час — весьма изысканное занятие.

Услышав слова «глава крепости», лицо А Ни исказилось. И зачем он только полез к этому человеку со своими «приветствиями»?

— Господин шутит. — А Ни, напустив на себя серьёзный вид, попытался подражать брату, вежливо парируя: — Я услышал шум, забеспокоился и пришёл сюда вместе с ним. А что вы здесь делаете?

Гу Чжи потёр подбородок двумя пальцами, его улыбка была такой же, как и днём, когда он «слабо» падал на землю.

— Тёмная ночь — время для убийств и поджогов. Я увидел, как маленький мальчик пролез через дыру для собаки в восточном дворе семьи Цао и помчался прочь. Из любопытства я последовал за ним и оказался здесь.

Пролезший через дыру и помчавшийся прочь А Ни:

— ...

На его лице отразилось явное разочарование. Неизвестно, сокрушался ли он о провалившейся попытке сохранить лицо или о своей низкой бдительности.

Не дав ему долго сокрушаться, Цао Ан, разобравшись с делами, пригласил Сюнь Юя в резиденцию. Он подошёл к младшему брату и постучал его по макушке.

— Сегодня поединка на мечах не будет, возвращайся.

А Ни, потирая голову, понуро спросил:

— Брат, а что с отцом...

Фраза оборвалась на полуслове. Взгляд Цао Ана был как всегда спокойным, но в нём ясно читался запрет: «Не спрашивай».

Мальчик моргнул и искоса посмотрел на подошедшего со слугами Сюнь Юя.

— А что с тем Цянь Сы? Он действительно отравил колодец?

— В нынешние смутные времена продовольствие и лекарства — большая редкость. Где так просто найти яд, способный отравить несколько сотен человек? — спокойно ответил Цао Ан. Его обычно добродушное лицо стало холодным. — Что произошло на самом деле, мы узнаем только после допроса... или когда завтра лекарь всё тщательно проверит.

— Генерал Цао, — Сюнь Юй со слугами подошёл ближе. — Только что было много людей, я не мог сказать вам...

Он остановился в шаге от Цао Ана, повернул голову к месту, где горели факелы, и почти неслышно произнёс:

— Опасайтесь... сговора изнутри и извне.

Гу Чжи, стоявший в стороне, уловил острым слухом эти слова, и смутные воспоминания медленно пробудились в его сознании.

Поскольку он читал роман несколько жизней назад, да и читал невнимательно, многие детали «Записей о великом герое Вэй» стёрлись из памяти. Включая и этот эпизод, который едва не уничтожил весь отряд Цао Цао в самом начале. Юноша помнил лишь, что такое событие было, и что помог Цао Цао выпутаться из беды именно Сюнь Юй. Остальные подробности были ему неизвестны.

Слова Сюнь Юя, словно подсказка, напомнили ему об этом сюжетном повороте.

Когда Цао Цао служил северным комендантом Лояна, он нажил себе много врагов. Одним из

них был Ли Цзюэ, военачальник Дун Чжо. Изначально Ли Цзюэ прибыл в столицу вместе с Чжан Вэнем. За какое-то преступление он был схвачен тогдашним комендантом Цао, и ему не позволили откупиться. С тех пор Ли Цзюэ затаил обиду.

О том, что Цао Цао расположился в округе Хэней, Ли Цзюэ, находившийся в далёком Чанъане, не знал. К тому же, в то время он был всего лишь мелким полковником и не имел возможности отомстить. Но об этом знал небольшой отряд армии Силян, находившийся в столичном регионе.

Они были частью отряда из нескольких сотен солдат под командованием Ли Цзюэ. Эти разведчики, оставленные Дун Чжо в старой столице, не осмеливались напрямую нападать на армию Цао Цао, но решили выслужиться перед начальством. Они сговорились с одним жадным до денег человеком из отряда Цао, чтобы те взяли нечистоты больных, страдавших от дизентерии, и бросили их в колодец.

Хм...

Гу Чжи, вспоминая свои действия, убедился, что не прикасался ни к чему подозрительному. Раз уж преступление Цянь Сы раскрыто, никто больше не будет пить воду из того колодца. А с остальным разберётся молодая версия Сюнь Юя.

Подумав об этом, расслабившийся Гу Чжи вдруг заметил, что Цао Ан бросил на него взгляд.

«...»

«Что за вздор? Сюнь Вэньжо говорит о сговоре, а пялятся на меня? С чего бы это?»

<http://bllate.org/book/15998/1444123>